

Станислав Александрович Белковский
Бизнес Владимира Путина
Серия «Политический компромат»

Ntgrcn предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6686261
Бизнес Владимира Путина: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0600-6

Аннотация

Автор этой книги Станислав Белковский – самый популярный российский политолог, учредитель и директор Института национальной стратегии. Произведения С. Белковского отличаются остротой, яркостью, большим количеством фактического материала о деятельности высших кругов российского руководства.

В книге «Бизнес Владимира Путина» автор показывает, каким образом Путин наживал свои капиталы и куда он их направлял. По мнению С. Белковского, главная цель жизни и деятельности Владимира Путина – чисто деловая, а президентство – это просто бизнес.

Содержание

Специальная теория Путина	4
Апология Владимира Путина	7
Закат Владимира Путина	12
Уход Владимира Путина	16
Последний блеф Путина	22
Мавзолей Владимира Путина	25
Бизнес Владимира Путина	27
Очень маленькое зло	31
«Вскрытие показало...»[1]	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Станислав Александрович Белковский

Бизнес Владимира Путина

Специальная теория Путина

Гигант либерально-демократической мысли, отец всей и всяческой демократии, особа, приближенная к Всемирному Правительству, короче говоря, сам Збигнев Бжезинский опубликовал в *Wall Street Journal* программную статью «Московский Муссолини». В статье гигант на полном серьезе уподобил Владимира Путина Бенито Муссолини, а малахольный путинский режим – итальянскому фашистско-корпоративному государству 1920-1930-х годов прошлого века.

По мнению т. Бжезинского, российская элита тоскует по великодержавному имперскому статусу России, воспринимает независимость Украины и Грузии как оскорбление, а сопротивление чеченцев (надо понимать, сугубо мирных гуманитарно-либеральных чеченцев, каковые мухи не обидят. – С Б.) русскому господству – как террористическое преступление. «Дуче добился того, чтобы поезда ходили по расписанию. Фашистский режим пробуждал чувство национального величия, дисциплину и превозносил мифы о якобы великом прошлом. Точно так же и Путин стремится сочетать традиции ЧК со сталинским стилем руководства страной военного времени, с претензиями русского православия на статус Третьего Рима и со славянофильскими мечтами о едином огромном славянском государстве, управляемом из Кремля».

Вот так говорил Бжезинский.

М-да. Я давно подозревал, что этот поваренный в холодных войнах гарвардский специалист ни черта не понимает в России. Но кто бы мог подумать, что настолько не понимает! С такими мощными стариками в роли идеологов-аналитиков непросто будет вашингтонскому обкому выстраивать восточную политику XXI века, ох как непросто.

Непонятно, где и при каких трагических обстоятельствах встречал отец всемирной демократии представителей нынешней российской элиты, тоскующих по имперскому статусу России. Как человек, всегда живущий в неподдельно ненавидимой Бжезинским стране, я могу утверждать, что сегодняшняя наша элита тоскует по миллиардам зеленоглазых долларов и сахарным пескам загадочных островов, а разговоры о нации и империи воспринимает как опасную попытку отнять у нее время или – того хуже! – развести на деньги. Ну да ладно, бог с ней, с элитой. В конце концов, рассуждения бодрого старца о православии и Третьем Риме находятся вполне на уровне студента второго курса кулинарного техникума – и только сладострастно бородатый русский либерал, готовый воздвигнуть себе мраморным кумиром любого всамделишного врага России, может относиться к бжезинской теософии всерьез.

Нельзя не отметить нескольких вопиющих цивилизационно-культурных несуразностей «московского Муссолини». В неофашистской стране, начертанной на карте экс-РСФСР тлеющим воображением старого технократа, поезда ходят по расписанию – совсем как при дуче. Уважаемый товарищ Бжезинский! Постарайтесь осмыслить простую вещь: если вы оказались в стране, где что-то ходит по расписанию, то эта страна – точно не Россия. Вас, наверное, просто обманули организаторы вашей пропагандистской поездки. Требуйте неустойки после отстоя пены!

Впрочем, не интеллектуально-научный уровень либерального мегакумира – предмет нашего исследования. А образ Владимира Путина, нынешнего президента России, которого все чаще сравнивают и с Муссолини, и с Франко, и даже с Наполеоном I Бонапартом.

Авторы таких метафор – или безнадежные простаки, или беззастенчивые льстецы. Третьего, увы, не дано.

Муссолини, Франко, тем паче Наполеон Первый были людьми власти. И беззаветно любили они *самое власть*. Ту мистическую субстанцию, которая дает ее носителю истинное право вершить судьбы малых сих и потому делает властителя подобным Богу. Эта субстанция не хранится в сейфовых ячейках банков первой категории надежности. Ее нельзя измерить на вес и растворить в воде. Запредельно сладостный вкус власти открывается немногим счастливицам. А добывается этот вкус – на баррикадах, в землянках, на раздраженных полях сражений.

Тот же Бенито Муссолини, настойчиво поминаемый Бжезинским в контексте Путина, в 1922 году пришел к власти, возглавив поход 26 тысяч яростных сограждан на Рим.

Можно ли представить себе Владимира Путина во главе многотысячного похода на Первопрестольную?

Вообразим ли Путин, сидящий с подствольным гранатометом в блиндаже перед решающим вооруженным броском в пекло борьбы за власть?

Наконец, смотрится ли Путин даже в умеренно интеллигентной роли лидера парламентской оппозиции?

Очевидный ответ на все три вопроса: нет.

Путин и Муссолини (а также Гитлер, Франко и далее до А. Г. Лукашенко) – всходы разных посевов.

При Бенито Муссолини в Италии было очень много плохого. И мы все это знаем (спасибо не столько Бжезинскому, сколько советскому курсу всемирной истории). Мы знаем, кроме всего прочего, что погубил дуче и его режим альянс с Адольфом Гитлером.

Но было при Муссолини и кое-что не очень плохое.

С 1922 по 1938 год население Италии выросло на 15 %.

За время правления Муссолини была практически полностью разгромлена мафия.

В 1929 году был подписан Латеранский конкордат, в результате чего католичество стало государственной религией Италии, а во всех школах страны было введено преподавание основ католицизма.

В 1932 году был учрежден Венецианский международный кинофестиваль. В 1934 и 1938 годах сборная Италии выигрывала чемпионаты мира по футболу.

А вот так говорил Муссолини. Послушайте.

«Человек – это индивид, связанный с нацией, с Отечеством, подчиняющийся моральному закону, связующему индивидов через традицию, историческую миссию, чтобы в сознании долга создать высшую жизнь, свободную от границ времени и пространства. В этой жизни индивид путем самоотрицания, жертвы частными интересами, даже подвигом смерти осуществляет чисто духовное бытие, в чем и заключается его человеческая ценность».

«Нация не есть раса или определенная географическая местность, но длящееся в истории множество, объединенное одной идеей, каковая есть воля к существованию и господству, то есть самосознание и, как следствие, личность».

«Стремление к империи, то есть к национальному распространению, есть проявление жизни; обратное – „сидение дома“ – признак упадка. Народы, возвышающиеся и возрождающиеся, – всегда империалисты; умирающие народы отказываются от всяких претензий».

Ну и при чем здесь, спрашивается, Владимир Путин?...

Если присмотреться, то нельзя не увидеть, что наш президент любит не власть, а атрибуты власти. Дворцы, самолеты, лимузины, яхты, почетные караулы, Charles Lafitte 1815 года издания, хрустящего вальдшнепа в соусе белой калины, слова «Геркуланум» и «Корфу», тени Шредера и Берлускони. И народные восторги, конечно. И вертикальное сияние виртуального рейтинга, на протираание которого ежегодно списываются мегатонны сверхчистого кремлевского спирта.

Но власть как орудие мрачного демиурга, как поле, в котором вспыхивает разряд сияния, для Путина почти невыносима, словно состарившаяся опостылевшая любовница из нищих студенческих лет. Почти каждый, кто смотрит иногда общенациональное русское телевидение, научился видеть, что от бремени власти демократически избранный президент РФ становится буквально серо-зеленым. Как прибрежное море в пахучем районе индустриальной Одессы.

Еще раз попробуем представить себе Владимира Путина, выходящего к пятисоттысячной толпе и бросающего в нее: «Вы готовы умереть за меня и Россию?» А в ответ – колыхание восторга и неистовый рев.

Представили? Не выходит?

То-то же. А вы говорите: Муссолини, Муссолини.

2004 г.

Апология Владимира Путина

На моего президента Владимира В. Путина обрушился шквал оскорблений и обвинений. В кампании по очернению всенародно избранного поучаствовали почти все ведущие СМИ мира, а сырьем для их грязных пасквилей служили заведомо ложные измышления русских либералов.

Как физическое (в какой-то неисчезающей степени) лицо и гражданин (на 100 %) Российской Федерации, я не могу скрыть своего возмущения. Кто-то должен в эту историческую секунду защитить лысоватого одинокого Путина – и если не я, то кто же?

Давайте взглянем в эту фантастическую грязь: в чем патентованный либерал привык обвинять сутулого, посеревшего от властного бремени Хозяина Земли Русской (ХЗР)?

Обвинение первое. Путин – закоренелый чекист, и устанавливает он в России не что иное, как чекистскую диктатуру. Задача же чекистской диктатуры есть восстановление СССР.

Тот, кто утверждает нечто подобное, на мой сокровенный взгляд, начисто лишен:

- а) доступа к правильной информации;
- б) способности анализировать даже ту полуправильную информацию, которая у него есть.

В действительности же все обстоит немного (точнее – совсем) не так.

В системе КГБ СССР Владимир В. Путин был аутсайдером, если не сказать – классическим неудачником. В 1990 году за плохую вербовочную работу его отозвали из Дрезденского дома культуры и поставили на неприлично низкую должность помощника проректора Ленинградского госуниверситета по международным связям. Система отторгла своего невероятного воспитанника. Чекистская карьера будущего ХЗР стремительным домкратом шла под откос. Спас же Владимира Владимировича человек, который (что бы там ни говорили злые языки про всякие подписки и расписки) выступал в роли главного врага КГБ, – Анатолий Собчак, самый демократный демократ. Путин как политико-экономическая личность сформировался именно в честной и либеральной, как питерское болото, команде Собчака. Где ему приходилось отвечать, помимо всего прочего, за деликатные контакты с организованными финансово-торговыми группировками, контролировавшими в то рассветное время почти всю экономику Петербурга. Оттуда, из собачьей толщи «криминальной столицы», – все основополагающие воззрения и представления Путина о предмете, имя которому – власть. А власть, сообразно этим представлениям, бывает только у того, у кого есть две самоценные вещи: а) деньги; б) автомат имени Калашникова.

Привычное рассуждение о том, что при Путине бывшие сотрудники Системы проникли на тысячи тысяч властных и окол властных позиций, есть результат недобросовестной интерпретации простых статистических данных.

Да, абсолютное число экс-комитетчиков на чиновных позициях день ото дня растет. Но эта страшная для либерального ума тенденция сложилась вовсе не в первом десятилетии XXI века, а значительно раньше – в благословенные времена Бориса Ельцина. Еще в начале 1990-х годов, когда казавшийся вечным КГБ СССР нечаянно развалился, многие чекисты оказались востребованы вне Системы, поскольку представляли собою квалифицированную, умеющую хранить секреты и сравнительно недорогую (потому что не избалованную шальным баблом) рабочую силу. По мере деградации постсоветских органов ГБ оставшиеся в живых специалисты постепенно покидали Лубянку – и оказывались на гражданских должностях, причем не только в государственных, но и в самых что ни на есть коммерческих структурах.

Но при этом на ключевых постах, счастливые обладатели которых причастны к стратегическим решениям, чекистов как не было, так и нет.

Но главное, конечно, не в формальных особенностях происхождения новейших русских вождей. Суть – в идеологии. Классический чекист всегда мечтал о великой Империи от южных гор до северных морей и гордился тем, что именно он оберегает это невиданное в истории Нечто (правда, события августа 1991 года показали, что не так уж страшен был КГБ, как он сам про себя думал, но речь сейчас не об этом). А современный кремлевский чиновник думает только о том, сколько накапало на его персональных пенсионных счетах всемирного значения в банках первой категории сложности. Ну еще, конечно, – о яхтах, «мерседесах», разновидностях горных лыж и о том, стоит ли купить 16-летней любовнице домик в Барвихе, чтоб далеко не ездить, или пока что рановато. Нет, совсем не кагэбэшное мышление получается.

Правящий клан рассуждает так, как рассуждал какой-нибудь маститый вор, державший в трепете сумбурный Питер 15–10 лет назад. А именно:

- страна нужна и полезна нам как источник доходов, и только для этого (для проедания и завещания доходов существуют другие страны, белые и нежные, как пятизвездное пляжное полотенце);

- все центры прибыли надо брать под контроль;

- прибыль надо как можно быстрее выводить отсюда подальше, пока ее кто-нибудь не нашел и не откусил;

- все центры убытков надо ликвидировать – или загружать ими лохов;

- более слабых надо уничтожать, с более сильными – дружить, чтобы тебя не съели.

Вот отсюда – и «дело ЮКОСа», и монетизация льгот, и реформа ЖКХ, и миролюбивая внешняя политика. Отсюда – и сверхизящное поведение на Украине, где Кремль добивался вовсе не восстановления СССР, а уважения к собственным натужно растопыренным пальцам.

Так что, если вдруг в полночь на Красной площади вы услышали неведомый и тяжелый деревянный скрип, знайте: это столп советского гэбизма Юрий Владимирович Андропов ворочается в своем черством номенклатурном гробу.

Обвинение второе. Путин – антилиберал, враг ценностей 1990-х годов.

Пусть вырвут лгуну его гнусный язык.

Нынешний ХЗР – самый настоящий либерал в неподдельно гайдаровском понимании этого слова.

При Путине приватизация зашла так далеко, как в начале девяностых никакой Чубайс и предположить не мог. Продано все (тут положено сказать: кроме совести, но язык не поворачивается; совесть ведь тоже была в программе разгосударствления-расчеловечивания экономики). И не только природные богатства стали частными. Вот-вот все научно-исследовательские институты, театры и музеи предстанут обычными объектами недвижимости, пригодными для размещения бизнес-центров категории Б. И любой либеральный экономист (тот самый, который привык рассуждать про тоталитаризм по-путински), конечно, скажет: так и надо поступать, на кой этой безграмотной стране столько ученых, актеров и режиссеров, несерьезно это все как-то, и кто не может прокормить себя по-рыночному, с цыганами и черной икрой, – тот пусть отправляется во влажную и темную задницу новейшей истории.

«Дело ЮКОСа»? Полноте, никакой национализацией там и не пахнет. Просто одни пацаны отобрали у других, воспользовавшихся рыночной неадекватностью последних. «Роснефть» же – просто перевалочная база, сортировочная станция, которая и не потребовалась бы, если б не всемирный вопль про неприличное ничтожество тверской конторы «Байкалфинансгроб». Ведь мудрый Греф изрек: и «Роснефть» будем приватизировать, и «Газпром». И кому отдадим, тоже боль-мень известно. А что, разве в ревушие девяностые было

не так? И «Сиданко» отбирали, и алюминиевые заводы, а про всякие там страховые компании и банки уж и говорить не приходится. Так что YUKOS affair – логичное продолжение наших девяностых с их неизбывным диким либерализмом, где, как завещал великий Егор Тимурович Г., кто сильнее – тот и прав. И никаких гвоздей.

Говорят еще, Путин поправил свободу слова. Которая совсем недавно цвела пышным лунно-пионовым цветом.

Мы с Путиным так не считаем.

С 1994 по 2001 год за свободу слова в РФ отвечали Березовский и Гусинский. Они объяснили стране, что «собственность» и «свобода» – синонимы. У кого собственность на СМИ – тот и имеет право на точку зрения. И никакое слово за пределами интересов собственника не существует, не живет, не дышит и уж точно никого не волнует.

Именно это утверждает сегодня и Владимир Владимирович. Нет никакой свободы слова как самостоятельной сущности, говорит он. А есть медиа-брехня как способ обслуживания частных интересов. Поэтому если сегодня я работаю Березовским и Гусинским (одновременно), то я и определяю, где, когда, кому и зачем говорить. Придут за нами другие – будут определять они.

Да, Путин кое-где у нас порой довел линию 1990-х годов до абсурда. Но именно эту самую линию – никакой другой он вязкими пальцами на русском песке не чертил.

А пресловутая монетизация льгот? Не мечту ли Гайдара воплотил заскорузлый наш ХЗР?

Ее, ее, болезнь.

И не случайно русский либерал, столь раздраженный всем путинским, во дни народных выступлений против монетизации возопил: сплотимся вокруг тела Кудрина – Грефа (мертвенно-бледное слово «Путин» произносить боялись, чтобы на Западе не подставиться), а быдло – в стойло!

Ибо имеющий компетентные органы чувств да чувствует компетентно: Путин и Гайдар (оно же – Чубайс) – суть одно. И замена фирменного рыжего причмокивания на феррохромный голливудский взгляд нимало не искажает хрустальную в первозданности своей суть дела.

Обвинение третье. Путин – враг Запада, тоскливо-сумрачный апологет азиатчины, и за граница ему вот-вот покажет, где зимуют омары (они же, кажется, лобстеры).

Долго рассуждать тут нечего. Пора признаться: Путин вполне устраивает Запад вообще и Соединенные Штаты в особенности.

Да, на словах ХЗР позволяет иногда просто бешеные антизападные вольности. Например, про то, что всеобщие, как солнечный свет, выборы в Афганистане и Ираке – фуфло несусветное, а никакое не торжество демократии. (И в эти минуты с президентом РФ хочется истово согласиться.)

И еще любит наш Верховный Главнокомандующий, заводя литаврами машинерию скул, говорить что-то про возрождение армии и новейшее сверхоружие, которым страна с ее миллионом голодных, оборванных, изверившихся вояк будет грозить всему нецивилизованному миру. Слышали мы и про то, что нельзя быть слабыми, потому что слабых бьют и мн. др.

Но в священных чертогах вашингтонских Белых Домов сидят не такие простецы, как наши русские либералы с патриотами. Там заседают люди, умеющие отличать пустопорожнюю PR-риторику от подлинной сути дела. А суть дела такова: все, что в реальной действительности творит Путин во внутренней и внешней политике, очень даже отвечает интересам США.

Именно Путин взял твердый курс на превращение России в провинциальное государство-нацию, похоронив имперские экспансионистские устремления (империалистом может считать ХЗРа лишь тот, кто никогда не интересовался истинным смыслом слова «империя»).

Это Путин сделал так, что источником легитимности для постсоветских режимов стал Вашингтон. Даже при Ельцине таким источником была Москва: ни один лидер в бывшем СССР не мог чувствовать себя в безопасности, если он – подобно Звиаду Гамсахурдиа или Абульфазу Эльчибею – нарочито поворачивался к Кремлю неширокой потной спиной. Сейчас позиция Кремля уже никого, по большому счету, не интересует. Даже базарных коммунистов бедной Молдавии.

Ввязавшись в дружескую войнушку с каким-то там мировым терроризмом (который терроризирует почему-то тогда и только тогда, когда это нужно Вашингтону, а в паузах живет строго по заветам неуловимого ковбоя Джо), Путин разрешил американцам устроить военные базы прямо в СНГ. И ничего не попросил взамен. Ну не душка, а?

В СНГ Путин вообще усиленно действовал по принципу «бей своих» (чтоб чужие не боялись – теперь поговорка звучит и выглядит так). Грубее и жестче всего он обошелся с белорусским лидером Александром Лукашенко, который в девственной мечтательной простоте хотел сделать Беларусь «младшей Россией». И конечно, гуманитарно-животворящий Запад аплодировал тому, как Москва топчет своего главного постсоветского союзника.

В 2001 году Путин, не поморщившись, закрыл военную базу в Камрани и радиоэлектронный центр в Лурдесе, обесмыслив существование постсоветского военно-морского флота. У страны, где более 50 человек зарабатывают порядка 1 млрд. долларов в год, не нашлось 150 млн. долларов в год для поддержания своих стратегических объектов.

В 2002 году ХЗР подписал судьбоносный договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Россия отказалась от межконтинентальных баллистических ракет шахтного базирования (которые, в отличие от рублево-успенских унитафов из чистого золота, нашей стране, разумеется, на фиг не нужны). А в Братиславе признал, что американцы, как люди аккуратные и внимательные, должны быть допущены к контролю над нашим ядерным потенциалом – дабы вечно пьяный ракетчик Пахомыч его за ящик иранской водки кому-нибудь не впарил.

Но более всего Путин преуспел в демонстрации своего русского бескорыстия. С фантастической скоростью нынешняя Россия отдает свои долги и списывает чужие.

На 93 % одним махом Путин согласился уменьшить долг Ирака – с 10,5 млрд. до 0,9 млрд. долларов. Страна наша, у которой уже почти нет армии, где разлагаются на корню фундаментальная наука и система образования, настолько не знает, куда девать деньги, что приняла программу досрочного погашения внешнего долга за счет средств неприкосновенного стабфонда. Зачем, понятно: ведь через несколько лет теперешние распорядители стабфонда поселятся в Баден-Бадене (варианты: Сен-Тропез, Сотогранде, Коста-Смеральда), и они хотят честно и прямо смотреть в глаза западным кредиторам: отдали, все отдали, ничего этой мерзопакостной России не оставили.

И даже аналогия со сверхуспешным долгоотдавателем Чаушеску никого из них не смущает.

Владимир Путин возглавляет когорту начальников, которые связывают свое личное и семейное будущее с уютным, как придорожное кафе, марципановым Западом, и только с ним. Уже поэтому ХЗР действует и будет действовать строго в русле пожеланий Сверхдержавы. И в силу этого он Сверхдержаве понятен, удобен и выгоден.

И если в России случится какая-нибудь заваруха и трон Великого Монетизатора покачнется, то Мировой Гегемон как пить дать придет Путину на помощь. Пусть те, кто за чем-то по глупости ненавидит Путина, не ждут от Запада внушительной помощи.

Собственно, когда Д. У. Буш говорил в Братиславе, что у Путина «да» всегда означает «да», а «нет» – «нет», он имел в виду примерно следующее: ХЗР всегда стратегически со всем согласен, и у русского правителя, как у соблазняемой женщины, «нет» – это «не нет», а «да, но позже». Мы, конечно, пошантажируем Америку Ираном, но потом – через годик-полтора – Иран этот сдадим и снова упадем в шелковые звездно-полосатые объятия. Мы всегда так делаем. И за эту полную до примитивности предсказуемость нас и ценят.

Да разве можно не любить такого президента? Либерала, рыночника, реформатора, западника?!

А что он некоторых профессиональных либералов оттолкнул от кремлевской кормушки – так то его право. В конце концов, еще в те самые 1990-е годы олигарх Абрамович разъяснил обалдевшей от такой искренности мировой общественности смысл проекта «Ельцинский преемник»: *«Мы вовремя подсуетились и взяли под контроль эту страну, и что – мы теперь должны ее кому-то просто так подарить?!»*

Надо, кстати, отдать В. В. должное: все интересы ельцинского семейства он соблюдает неукоснительно. Футбольнометаллическое состояние Абрамовича выросло ровно в 5 раз (с 2 млрд. до 10 млрд. долларов). А про какого-нибудь Ходорковского – так никто ничего никому и не гарантировал.

Путину сейчас очень трудно, потому что власть для него становится все косматей и все тяжелей. И се, в меру скромных сил и способностей, я попытался защитить моего президента от несправедливой неумеренной критики. Кто может – пусть защитит лучше.

2004 г.

Закат Владимира Путина

Шестое послание второго президента России Федеральному собранию получилось по-настоящему закатным. Владимир Путин сознательно или бессознательно анонсировал начало конца своей политической эпохи.

Основная идея послания, которую не без труда можно выковырять из толщи громоздких пошлостей и задыхающихся на ходу фигур бюрократической речи, – элите 1990-х годов предложен новый пакт. Вы не раскачиваете мой трон и не споспешествуете революции, а я, бедный Владимир Путин:

- окончательно признаю ваше право на собственность, полученную за 12 лет специфической приватизации; отсюда – предложение сократить срок исковой давности по приватизационным сделкам с 10 до 3 лет, а заодно упразднить налог на наследство;
- обеспечиваю легализацию ваших капиталов;
- гарантирую вам иллюзию свободы слова и «национальной дискуссии» в некоем формате, условно принятом при Борисе Ельцине.

Владимир Путин обещал тем, кому еще недавно поручал «прекратить истерику», ненавязчивую благосклонность налоговых органов и обуздание алчной бюрократии, перепутавшей частные интересы с миссией служения государству.

Итак, кровожадного чекиста Путина, которым экзальтированные либералы пугали любимых племянников, больше нет. Теперь все будет как при Дедушке (Ельцине). И в этом сонном единстве президент и его элита доживут до дня передачи власти престолонаследнику, которого совместно и выберут.

Как бы не так.

Мир – это война

Предложив элитам новую рамочную конвенцию, Владимир Путин решительно подрубил политико-исторический сук, на котором сидит.

Потому что до сих пор легитимность Путина как правителя определялась двумя факторами:

- его статусом и ролью Царя, всероссийского самодержца, чья власть трансцендентна и уж, во всяком случае, не нуждается в оправдании со стороны всяческой твари земной; в этом смысле общенародные выборы были лишь симулятивным инструментом оформления надмирной воли;
- «путинским большинством» – примерно 55–60 % граждан России, пресловутым «электоральным болотом», которое голосовало за Путина – внимание! – как за концептуальную, эстетическую и стратегическую альтернативу Борису Ельцину, качественно иную эстетико-политическую парадигму.

Не мир и стабильность привели Путина в кремлевские палаты, но – война. Не метафорическая, а вполне конкретная вторая чеченская война (1999 года). И в 2003–2004 годах триумфу «Единой России» и ее неформального лидера (президента) премного способствовала другая война – «дело ЮКОСа». После которого стало ясно, что российская власть, как ей и положено, не боится никаких денег и ни от каких ресурсов, кроме своих собственных, принципиально не зависит. И потому имеет право считаться и называться Властью (с большой буквы В).

«Болото» вкупе со значительной частью коммунистического электората изначально поддержало и долго поддерживало Путина как лидера, который положит конец эпохе 1990-х годов, обеспечит радикальную модернизацию элит и вернет российской власти первозданный священный статус. Как полководца победоносной войны против позорного и унижительного ельцинского прошлого.

И для оправдания своей власти Владимир Путин вовсе не нуждался в легитимации на уровне элит. Как Царь он был уникален и независим. Именно этим обстоятельством объясняется полная неспособность элит противопоставить что бы то ни было «неконвенциальным» шагам президента. Надо «мочить в сортире» – мочим, несмотря на сложное отношение к чеченской кампании. И тогда даже Чубайс говорит, что в Чечне возрождается российская армия. Надо «истеричку прекратить» – прекращаем. И преспокойно занимаемся мародерством в былых владениях Ходорковского, сдавленным кухонным голосом критикуя Кремль, но тут же признавая: против лома верховной власти нет никакого приема – ни финансового, ни политического.

Весной 2003 года опальный олигарх Борис Березовский опубликовал программную статью, в которой утверждал: Путин скоро падет, потому что ни один слой национальной элиты его не поддерживает. Лондонский изгнанник был прав в констатирующей, но не в резюмирующей части своего высказывания. Российская власть никогда не была продуктом соглашения элит. Царь незыблем, пока он остается настоящим царем, властелином не от мира сего. И никуда царь не может деться, пока не разрушен сакральный характер его происхождения и правления. Десакрализация же власти с быстротой необычайной ведет к распаду всего властвующего организма. Так было и в Российской империи 1916–1917 годов, и в Советском Союзе 1991 года.

Теперь же в нишу исторического наследника Николая II и Михаила Горбачева неуверенным подполковничьим шагом решил вступить Владимир Путин. Именно в шестом несчастливом послании, адресованном, по сути, сформированному в 90-е годы прошлого века правящему слою, президент России постановил: революции сверху, на которую надеялось путинское большинство с осени 1999-го, уже никогда не будет. Кремль обещает – стабильность. И тем самым отменяет первичные основания своей власти.

С этого момента Путин из президента надежды окончательно превращается в президента терпения. На него больше не надеются – его терпят. Пока не появится Другой Лидер, до крови похожий на русского царя. Нечто подобное случилось все с тем же Михаилом Горбачевым во второй половине 1988 года. А через 18 месяцев на общественной поверхности возник Борис Ельцин, который моментально стал воплощением надежд страны.

При том Кремль настойчиво не замечает, что на обещании своим странам вязкой «стабильности» погорели и Эдуард Шеварднадзе, и Леонид Кучма, и Аскар Акаев. Потому что предлагаемая таким образом стабильность для большинства активного населения страны означает безнадежность. И амнистия капиталов, и декларируемая отмена налога на наследство адресованы нескольким десяткам нынешних хозяев жизни, резидентов Рублево-Успенского шоссе. И отсекает миллионы тех, кто возлагал наивные надежды на путинскую модернизацию. А там, где умерла надежда, уже не может быть и позитивного восприятия стабильности. Для армии, спецслужб, фундаментальной науки, системы образования, региональных элит, малого и среднего бизнеса, творческой интеллигенции такая стабильность равносильна неизбежности последовательного разложения и скорого умирания. «Все процессы в природе, включая старение и смерть, необратимы».

Путин расписался в том, что капитулировал перед девяностыми годами. Что он теперь намерен не только тайно, но и явно, ни от кого не скрываясь, выполнять разведздание, данное ему летом 1999 года Романом Абрамовичем, – прикрываясь имперско-реваншистской фразеологией, сохранить ельцинский *status quo* незыблемым. Разумеется, это честно.

Но такая честность способна погубить любой режим – тем более подточенный кошмарной внутренней усталостью путинский.

Собственно, бархатные революции в Грузии, на Украине и в Киргизии начинались с открытого предложения властей узкому кругу выгодоприобретателей недавней приватизации договориться и оставить «все как есть». И в этом смысле скучное и занудное Шестое Послание Путина (ШПП) должно рассматриваться как бумажный буревестник непонятого и неизбежного процесса, который всегда завершается революцией. На худой конец – государственным переворотом. Последний возможен, когда и если близкое окружение президента посчитает, что хозяин Кремля самым фактом своего инерционного существования приближает революцию. А значит, кулуарное отстранение от власти делегитимизированного правителя – меньшее зло по сравнению с кровавым разгулом (а по-другому в России не будет) революционной стихии.

Путин в никуда

Из Шестого Послания вытекает, что Кремль окончательно отказался от формулирования национального проекта – стратегической программы будущего. При этом сохранение Российской Федерации в ее нынешних границах заявляется как главная ценность теперешнего правления.

«... В действительности нация никогда не бывает „готовой“, законченной. Она всегда или создается, или распадается. *Tertium pop datur*. Она либо приобретает приверженцев, либо теряет их в зависимости от того, есть ли у нее в данный момент жизненное задание (Хосе Ортега-и-Гассет, „Восстание масс“»).

В решающий момент Кремль забыл о неумолимом действии второго закона термодинамики: невозможен процесс, при котором теплота переходила бы самопроизвольно от тел более холодных к телам более теплым... Или, иными словами, в изолированной системе при необратимых процессах энтропия возрастает.

Геоисторическая сущность, не знающая своей цели и не движимая позитивной энергией созидания, не сможет остаться в целостности и сохранности. Нарастание энтропии и распад – неизбежны. Не будем сейчас вспоминать о великих империях далекого прошлого. Достаточно обратиться к опыту СССР, крах которого Путин в Шестом Послании назвал катастрофой. Как только Политбюро ЦК КПСС отказалось от национального проекта под названием «строительство коммунизма», элиты союзных республик заявили Москве: а зачем вы нам теперь? Интегрироваться в единственно цивилизованный западный мир лучше и комфортабельнее самостоятельно, поодиночке. И Союз рухнул – сначала фактически, затем и формально. Тогда же активная часть советского народа задала схожий вопрос: если мы не строим больше коммунизм, почему мы обязаны выносить эту находящуюся на грани морально-интеллектуального разложения спецраспределительную коммунистическую власть? И ЦК КПСС, до 1990 года казавшийся вечным, уже в августе 1991-го вынужден был принять решение о самороспуске. Истерика ГКЧП, настаивавшего на том, что сохранение Советского Союза потребно ради сохранения как такового, не нашла поддержки даже среди неискоренимо верных присяге советских военнослужащих.

Послание Путина свидетельствует: в Кремле заправляют люди, которые не знают ни физики, ни истории – даже в объеме школьной программы. И легче верблюда пройти через булавочное ушко, чем режиму с таким уровнем интуиции и компетентности – сохранить страну.

Усталость холодных реформ

Владимиру Путину всегда трудно давалось политическое содержание. Но человеком, талантливым по части формы, его можно было признать. В мириадах обтекаемых, ни к чему не обязывающих фраз каждый слышал то, что хотел слышать, и верил, что Путин – именно *его* президент.

В этом смысле Шестое Послание весьма показательно. Во-первых, президент уже не пытается ласкать слух и коллективное подсознательное «путинского большинства». Для своего основного электората он не сказал ничего – проехали. Во-вторых, послание представляется гораздо более тусклым, чем предшествующие пять, – а ведь и те, по большому счету не блистали литературными находками. Перед страной выступил усталый чтец-декламатор, которому, кажется, безумно надоела его официальная роль. Который хотел бы (подобно Л. И. Брежневу весной 1982 года) написать заявление об уходе, и только отсутствие четких и надежных гарантий послевластной безопасности – мешает. Пока.

По количеству же банальностей и общей вялости тона послание напомнило тексты уже не Брежнева – Константина Устиновича Черненко. Это – непобедимый симптом того, что пораженный эмфиземой легких режим идет навстречу своему финалу. Причем финалу достаточно близкому: осталось два с половиной – три года. Не меньше, но и не больше.

И главный вопрос, какой в этой связи возникает: как сделать так, чтобы период заката Владимира Путина и в самом деле не закончился распадом России?

2005 г.

Уход Владимира Путина

Вы будете смеяться, но Кремль сейчас действительно боится революции в России.

Этот панический страх возник в конце января 2005 года – сразу после инаугурации Виктора Ющенко. В тот момент кремлевские мудрецы поняли наконец, что операция по взятию власти на Украине, которая некогда считалась беспроблемной, провалилась.

Нет, никаких серьезных изменений в российском политическом пространстве с тех пор, конечно, не произошло. Верная вертикаль власти неуклонно укрепляется. Федеральные телеканалы с каждым днем становятся все лояльнее и подобострастнее. Крупный бизнес политикой демонстративно не интересуется. (Если не считать отлученных от России Березовского и Невзлина, каковые по разряду бизнеса давно уже не проходят.) Парламент штампует нужные законы с неистовой покорностью. В общем, все у Кремля хорошо. Так откуда же страх, граничащий с отчаянием?

Ответ прост: от непонимания. До украинской революции Владимир Путин точно знал, как берется и удерживается власть. И что для этого нужно. Кремлевская позиция сводилась к тому, что трех критических ресурсов – больших денег, большого телевидения и системы правильного подсчета честно поданных голосов – абсолютно достаточно для безраздельного управления народом и его выбором. Согласно этой логике, кандидат в президенты Украины Виктор Янукович, пусть дважды судимый и трижды необаятельный, проиграть просто не мог. Кремлевская система основополагающих ценностей в принципе исключала возможность выхода народа на улицу и решения вопроса о власти во внесистемной плоскости.

Однако ж – народ вышел. И не рассеялся через три дня, несмотря на предзимние холода. И водометами этот народ никто не разогнал. И когда Ющенко, вопреки фундаментальным представлениям Путина о государственно-политической жизни, провозгласили-таки президентом, Кремль понял, что универсальная политтехнологическая машина больше не работает. Хозяин Кремля в эту минуту ощутил себя капитаном космического корабля, переставшим получать сигналы из Центра управления полетом. Нет, корабль по-прежнему движется по заданной траектории и пока что не разваливается. Но ощущение, что управляемость потеряна и врезаться в смертоносный неземной астероид можно в любой момент, нарастает. Отсюда – и прорывающаяся наружу тихая путинская паника.

Разумеется, Кремль пытается скрывать, что потерял всеобщий рецепт победы. Незадачливые путинские стратеги с пеной у рта настаивают, что на Украине ничего экстраординарного не произошло, – нас просто предали Соединенные Штаты. Но в глубине души Путин-то знает: США ни при чем. Данное в начале лета 2004 года обещание не мешать победе Януковича они полностью выполнили, больше того, 23 и 30 ноября 2004 года прямо предотвратили захват восставшими ключевых административных зданий в Киеве. Значит, на самом деле проблема все-таки не состоит в позиции Америки или, по крайней мере, не только в ней.

Столкнувшись с крахом политтехнологий как способа управления миром, Кремль тем не менее собирается бороться с неведомо откуда берущейся революцией с помощью все тех же технологий. Главное орудие нарастающей контрреволюции – всевозможные потешные полки. Фиктивные молодежные организации («Наши», «опричники» и т. п.), призванные избивать врагов Кремля физически, бессловесные псевдооппозиционные фракции в составе «Единой России», которым поручено по согласованной программе мягко критиковать власть слева и справа, бутафорские «альтернативные» профсоюзы, агрессивные общества потребителей, которым будет поручено направлять народный гнев против рядового чиновника, который, в отличие от верховного Путина, на самом деле во всех бедствиях народных и виноват.

Публике предъявлена уже и контрреволюционная философия власти. Три основных элемента кремлевской доктрины таковы:

- Путин – это стабильность, а любая дееспособная (неигрушечная) оппозиция – фашизм и гражданская война;

- Путин – меньшее зло во всех отношениях;

- чтобы меньшее зло никогда не уступило место большему, нужна консолидация элит.

Еще, разумеется, власть хочет заведомо перекрыть некие только ей известные каналы финансирования революции, а потому открыто договаривается с крупным капиталом, обещая налоговую амнистию, сокращая до 3 лет срок исковой давности по приватизационным сделкам и обещая никого не мучить избыточными налоговыми проверками.

Но, делая все это, Кремль нисколько не уменьшает вероятность революции. Напротив – ускоряет и приближает сладостные революционные дни, которые могут, при неудачном стечении обстоятельств, обернуться тотальным кровавым погромом, а завершиться – торжественным и юридически оформленным распадом России.

Нищета консолидации, или проблема-175

Говоря об элите, которой необходимо экстренно консолидироваться, Кремль на самом деле имеет в виду весьма узкий кружок, состоящий примерно из 175 физических лиц: 25 крупных собственников, 50 ключевых чиновников и порядка 100 человек разномастной челяди. Все эти люди вроде как кровно заинтересованы в сохранении *status quo*. Но по-настоящему объединиться они не могут уже по той причине, что у них нет никаких общих немеркантильных ценностей. А процветание в веках нашей унылой России к приоритетным ценностям пула-175 уж точно не относится.

Единственная общая черта субъектов этой «элиты» – страсть к самому что ни на есть банальному материальному обогащению (преимущественно в прямой денежной форме). Но в удовлетворении этой страсти каждый, по определению, играет строго за себя – и, соответственно, против большинства других участников «корпорации 175». Консолидация консолидацией, а табачок, разумеется, врозь. (Именно поэтому, кстати, так печальны и неэффективны оказались всевозможные олигархические профсоюзы типа РСПП – как только общие интересы мегабизнесменов входили в противоречие с частными, последние немедленно оказывались куда важнее первых, и содержательное единство заканчивалось, не начавшись.) Любой Игорь Сечин пожертвовал бы частью путинской стабильности ради уничтожения, скажем, Дмитрия Медведева, Михаил Фридман – долей российского суверенитета во имя разгрома Леонида Реймана, а Олег Дерипаска – добрыми 50 % геополитической роли страны ради отлучения от власти, скажем, Германа Грефа (и наоборот, разумеется).

Сверх того внутри корпорации начисто отсутствует взаимное доверие, равно как и доверие к капитану корабля. Те, кого Кремль хочет консолидировать, в силу своего образования и воспитания твердо уверены: если кто-то говорит о спасении России, значит, он хочет поделить большие государственные деньги. Ибо честно говорить о чем-то, кроме денег, для этих людей, по определению, невозможно. Мыслящий так и действующий сообразно этому правящий слой никогда не станет, конечно, спонсором или тайным воздыхателем революции. Но рисковать капиталом, здоровьем, тем паче жизнью ради спасения государственности ни при каких обстоятельствах не станет.

А какотреагируют потенциальные консолидируемые на ими же написанное на долготерпеливой путинской бумаге предложение вернуть в страну вывезенные деньги и заплатить 13 % подоходного налога? Очень просто: шас, разбежались, все только и ждут, чтобы мы наши бабки засветили и прямо под репрессии подставились. Нет уж, пусть сначала кто-

нибудь другой здоровьем рискнет!.. Вот вам и весь сеанс налоговой амнистии с последующей консолидацией.

Группа-175 состоит в большинстве своем из шустрых и предприимчивых аутсайдеров состарившейся советской системы, базовая логика жизни которых всегда сводилась к нехитрой цепочке: в этой стране все равно никогда ничего хорошего не будет – пока бардак, надо на нем как следует заработать, – заработав, надо быстро все вывозить и мотать удочки, пока не отобрали.

В переводе на более цивилизованный язык транспарентного постсоветского бизнеса цепочка выглядит примерно так: участвуем в бесплатной приватизации – пожинаем плоды полного контроля над механизмами принятия государственных решений – уходим в cash (продаем активы по рыночной, а не номинальной стоимости) – до белого каления очищаем капитал на Западе – оседаем на Западе. Как любил говаривать один очень знатный член «клуба-175», «чтобы отвалить из России, мне большой транспортный самолет не нужен. У меня все состояние – в одном портфельчике».

И кто-то в состоянии поверить, что эта элита «портфельных инвесторов», которая при первых трубных звуках мятежа устремится на машинах с голубыми мигалками в аристократический бизнес-аэропорт Внуково-3, сможет объединиться во имя России?!

Ну-ну.

Нищета эстетики

Наряду с блефом «консолидации элит» Кремль вдруг решил, что настал момент консолидировать и собственный народ – вокруг невнятного послеобеденного бормотания на извечную тему «лишь бы не было войны».

Но президент РФ и его утомленная солнцем великой российской халявы камарилья просто никогда не догадывались, что для мобилизации народов нужны в первую голову лидеры и образцы – политические, интеллектуальные, моральные, эстетические. А какие у Кремля нынче образцы? Да ясно какие. Идеальные политики у них – Грызлов со Слис-кой, образчик поэзии – незапоминаемый гимнотекст Михалкова-ст., музыки – Владимир Соловьев-мл., а кинематографа – «Бригада» с «Ночным дозором» и «Статским советником». Нелегко с такого качества оснащением поднять народ на борьбу. Да что говорить, если для собственных «Наших» у Кремля никого не нашлось в начальники, кроме напрочь дискредитированного паяца из «Идущих вместе»!

Давайте вспомним август 1991 года. Безусловно, большинство активных и мыслящих людей тогда вовсе не желало распада СССР. Однако немного нашлось защитников у ГКЧП. Потому что очень трудно было сделать дрожащие руки Г. И. Янаева и упитанные щеки В. С. Павлова символами Империи и предметом консолидации. Каковы бы ни были подлинные намерения гэкачепистов, ассоциировались они исключительно с безнадежно циничной номенклатурной кормушкой, а вовсе не с действующей в истории великой страной, вызывающей к действенной помощи своих подданных. А ведь Янаев с Павловым куда честнее нынешних были!

Другой показательный пример – все та же предреволюционная Украина. Очень многие политики, бизнесмены, общественные деятели, вполне лояльные Леониду Кучме и безо всякой симпатии относившиеся к самовлюбленному бухгалтеру Ющенко, отказались поддерживать «преемника», «символ стабильности» Януковича. Потому что не всякое бурное дитя енакиевской зоны может быть президентом в твоей собственной, уважаемой тобою стране. Оттого-то и была проиграна партия власти на Украине, а не из-за американских происков или березовских проделок.

Смерть путинского большинства

Попытка «консолидации элит» (безразмерные вечные гарантии, предоставляемые верховной властью коалиции-175) – это смертельный удар по пресловутому «путинскому большинству». Поскольку и в 2000-м, и в 2004 годах Путин получил безоговорочную народную поддержку как потенциальный радикальный модернизатор элит, лидер, который хочет и может отстранить крупный капитал от власти в России и вернуть страну в русло традиции. Нынче же Путин самолично и безвозвратно расписывается в том, что надежды своего базового электората оправдывать не собирается. Подобно Михаилу Горбачеву на излете 1988 года, нынешний президент России решительно переходит из категории «президента надежды» в категорию «президента терпения». На Путина больше не надеются. Его терпят – пока не появился альтернативный общенациональный лидер, другой центр власти.

Еще никогда «правитель терпения» не становился объединителем нации. Напротив, история всегда избавляется от таких зависших, прокисших джентльменов при первой же удобной возможности.

Нищета философии

Новейшая кремлевская контрреволюционная идеология стоит на том, что ельцино-путинская стабильность – это хорошо. И баста.

Хорошо, когда не сокращается ассортимент заморских деликатесов в ресторанах Аркадия Новикова. Когда каждый божий год дорожают в 2 раза купленные в свое время за бесценок лесистые участки на Рублево-Успенском шоссе. Хорошо, пока высока мировая нефтяная цена и сочатся бесплодными сокровищами алмазно-стабилизационные фонды. Хорошо, когда самый захудалый член клуба-175 может, не ударяя палец о палец, заработать не меньше долларов 100 млн. в год (а меньше просто несерьезно). Очень хорошо, когда за небольшие чаевые можно выписать себе в Форте-де-и-Марми или Куршавель народных кумиров типа группы «Ленинград» и вытирать о них ноги в свое удовольствие. И просто прекрасно, что никогда не кончается кокаин, и гремят аукционные продажи пьемонтских трюфелей, и длится в марихуанной дымке вульгарный танец Ксении Собчак, и нескончаемы, как людской поток, либеральные гулянья на русском льду Трафальгартской площади Лондона.

Но за стенами клуба видна совсем другая стабильность. Погибшей армии, развалившихся спецслужб, находящейся на грани ликвидации Академии наук, пустынных громад вчерашних оборонных гигантов. Стабильность депопуляции, наркомании и СПИДа.

Стабильность властных слов, которые уже ничего не стоят, – и потому нечего их даже выслушивать. Стабильность дискредитации образования, которое ни для чего больше не требуется. Стабильность полного отсутствия перспектив, особенно для молодежи. Стабильность нищеты и унижения для тех, кто опоздал, а потому не успел – и уже никогда не успеет, так и запишите – прорваться в престижную корпорацию-175.

Поэтому, когда после обильных таинственных возлияний выползает на поверхность барской Барвихи невероятно собою довольное существо и, отрывая 60 %-градусный банановый «Шартрез», обращается к спрятанному по ту сторону пуленепробиваемой чешуи народу: «Ну что, вы хотите, чтобы все оставалось как есть – или война?» – народ что есть духу отвечает сторбленным голосом: «Чем вы – так уж лучше война!»

Именно так произошло и в Грузии, и в Абхазии, и в Киргизии, и на Украине. Ослеплен и взволнован своим спасительным кокаином, Кремль просто перестал замечать очевидное.

Отсутствие блага

Напрасно Кремль ищет некий внешний источник революции, зловещую силу, ни о чем не мечтающую, кроме как развалить и погубить Государство Российское.

Конечно, всегда есть какие-то внешние силы, которые хотели бы покончить с Россией, – достаточно почитать неугомонного Бжезинского (хотя для официального Вашингтона единая и целостная РФ сейчас очень важна как буфер на границе «цивилизованного мира» с Китаем). Но источник революции – он всегда внутри. Состоит он в моральной и интеллектуальной деградации правящего слоя. В неспособности власти понимать свой народ и говорить с народом на правильном мистическом языке.

Подобно тому как зло есть отсутствие блага, так и национальное разрушение – всего лишь отсутствие национального созидания. Само собой ничто никогда не строится – само собой все только разрушается и разлагается. И потому разложение государственности, олицетворяемой Кремлем наших дней, неизбежно – в силу паразитической природы самого правящего клуба-175.

И революция явится лишь кульминацией процесса распада, но никак не причиной и не источником такового. Отсюда и берутся все основания утверждать, что революцию в России готовит на свою голову действующая власть – она, бестрепетная и веселая.

И никакие «Наши» Кремлю в решающий момент не помогут. Подобные группировки обычно состоят из людей трех типов: а) жадных циников, которым все равно, куда за долларов 100 выходить и какие лозунги кричать (40 % личного состава); б) потенциальных нацболов, которых каким-то макармом убедили, что «Наши» – лучше (30 %); в) аполитичных люмпенов (30 %). В час реальных уличных столкновений группа Б перейдет на сторону революции, группа А – будет отсиживаться по домам, а группа В – обрящет наивысшее удовольствие в набегах на разомкнутые мятежным хаосом столичные ювелирные бутики.

Не окажется в потешной кремлевской гвардии никого, кто бы жизнь положил за консервацию русского разложения.

От революции – к перевороту

Надо ли хотеть революции? Не надо.

И вовсе не потому, что революция сама по себе приведет к распаду. Нет, как мы уже выяснили, она будет не причиной, но следствием распада, прямым результатом нынешней кремлевской политики. А значит, когда революция таки грянет, спасти страну уже не удастся – потому что, возможно, не останется в стране энергии и сил, чтобы поднять с земли обломки России и вновь сложить их в фундамент прочного здания.

Нужен мирный переворот, потому что только он способен остановить процесс развала до достижения этим процессом точки необратимости и, значит, предотвратить революцию как последний день России.

Что означает этот переворот? Бескровную передачу власти от «клуба-175» к новой национальной элите, для которой сохранение в истории самодостаточного российского государства-цивилизации – приоритет и задача № 1.

Как и когда будет происходить переворот? Демократическим путем, в момент досрочного добровольного ухода лидера «коалиции-175» Владимира Путина от власти. Почему Путин передаст власть досрочно? По трем причинам:

1) он давно и страшно устал от своих правительствующих обязанностей;

2) он сам боится распада страны и не хочет за него отвечать – и потому стремится выйти из игры, пока крах государственности не стал неизбежной реальностью настоящего времени;

3) он не верит в своего преемника и в собственную команду – стало быть, ему легче отдать власть тому, за кого он лично не несет никакой ответственности.

Передавая власть, Путин будет опираться на «ельцинский прецедент» (первый «демократически избранный» тоже ушел досрочно) и общие представления о демократии – дескать, пусть выберут левопатриотического лидера, если хотят, я же всегда говорил, что остаюсь сторонником полновесной несминаемой демократии! И ни Запад, ни Восток к уходящему лидеру придаться не смогут. Демократия так демократия.

В этом смысле обдолбанная бригада-175 для Путина – не более чем балласт, труха. Не станет он ради спасения этой братии держаться за трубку первой вертушки. Еще и потому, что видит в каждом из них потенциального предателя. «А вы что, за меня ж... бы порвали? Молчите, гниды!»

Кто придет Путину на смену? Те, кто согласен с главным условием (см. выше). И социалисты, и либералы. Экономические взгляды в данном случае – вторичны.

Формирование альтернативной политической силы – достаточное условие переворота. Путинский режим будет неграциозно умирать в золотой фольге иллюзорной стабильности.

А потом – надо сделать так, чтобы революции все-таки не произошло. Обязательно.

2005 г.

Последний блеф Путина

Сегодня уже очевидно, что этот год пройдет в России под флагом бурной имитации модернизации. Этой широкомасштабной имитацией мы обязаны, конечно же, врагам Кремля – и никому другому.

Если бы не Виктор Ющенко и «оранжевая революция» на Украине, Кремль никогда не занялся бы созданием политической инфраструктуры «обеспечения преемственности власти», не учредил бы «Наших» и прочих «опричников», не заговорил бы о вертикальной социальной мобильности, готовности передать власть следующим поколениям и т. п. В случае победы Виктора Януковича многомудрые кремлевские специалисты носились бы над безвидной политической землей России с утверждением, что главное средоточие и инструмент политики – система единственно правильного подсчета голосов имени А. А. Вешнякова, а вся остальная так называемая политика (идеи, лидеры, стратегии, партии) – только пустая трата времени и средств.

Сейчас – под влиянием народных выступлений против монетизации льгот, которых власть совершенно не ожидала, успеха левых сил на многих региональных выборах и даже политических изысканий Михаила Ходорковского – Кремль решил срочно «полеветь».

Вероятно, уже в начале осени изменится риторика («текст», как это называют в кремлевской администрации) президента Путина. Глава государства начнет все больше говорить о справедливости, о приоритетной защите интересов 140 млн. граждан России, о необходимости возрождения государственного патернализма. Кремль создаст очередные бутафорские организации, например армию потребителей, которая методами прямого действия будет бороться со средней руки бюрократами и среднекрупными бизнесменами, отчего-то не понравившимися окружению Путина. В PR-бой будут брошены заветрившиеся от бессмысленности собственного существования фиктивные партии – от «Патриотов России» до социал-демократов. Жертвой демонстративного кремлевского «полевления» станет ненавистный народу глава Минздравсоцразвития Михаил Зурабов, а с ним, возможно, еще 1–2 федеральных чиновника, которые и так давно устали от бремени социально-экономических обязанностей и собирались уходить в бизнес. И, наконец, главное – будет нарушена священная неприкосновенность стабилизационного фонда. В общем, Кремль попытается показать стране, что он-то и есть у нас единственный настоящий левак, а КППРФ, «Родина», Партия пенсионеров и прочие Ходорковские должны освободить главную дорогу путинскому кортежу и впредь не лезть не в свое дело.

Не исключено, что администрация президента Путина пойдет даже на «симуляцию революции» – в типично кремлевском, балаганном формате. Например, все тот же Зурабов покинет свой пост не тихо и мирно, в собственной постели, а в результате трехдневной блокады здания его министерства спецбригадой футбольных фанатов из «антифашистского» движения «Наши».

Разумеется, все подобные шаги не будут означать каких-либо реальных перемен в кремлевской политике. Равно как и пресловутые «Наши» ничем на самом деле не помогут молодежи с вертикальной мобильностью. Потому что содержание и философия путинского режима исключают какие бы то ни было качественные изменения в принципе.

Многие именитые кремленологи в России и за границей неустанно тиражируют миф о том, что Владимир Путин возглавляет чекистский режим авторитарной модернизации, который давно хочет уничтожить все ельцинское в нашей стране, и только остатки либералов во власти не дают кровавым планам осуществиться.

Пока этот миф не развеян до основания, ни понимать логику действий Владимира Путина, ни прогнозировать его шаги мы не сможем. А значит, весьма нелегко будет анали-

тикам анализировать, инвесторам – инвестировать, а зарубежным политикам – выстраивать стратегию отношений с сегодняшней российской властью.

Власть Владимира Путина вообще не представляет собою автономного, отдельного политико-исторического явления. Это – последняя, завершающая стадия развития режима Бориса Ельцина. Вернее, того набора физических лиц, которые приобрели всю полноту власти в стране в период с июля 1996 по май 1999 года.

У Владимира Путина как всероссийского правителя есть главная и единственная цель, жизненное задание, которое сообщили ему отцы-основатели проекта «Преемник Ельцина» Татьяна Дьяченко, Валентин Юмашев, Роман Абрамович и Михаил Фридман. Цель такова: обеспечить незыблемость итогов «большой» индустриально-инфраструктурной приватизации 1993–2000 годов на коротком историческом отрезке времени, достаточном для того, чтобы выгодоприобретатели приватизации смогли продать свои основные активы за реальную рыночную стоимость международным корпорациям и легализовать полученные средства, измеряемые десятками миллиардов долларов, на безопасном и уютном Западе.

Базовая технология достижения поставленной цели – пресловутая путинская стабильность. Означающая как отсутствие существенных политических возмущений, так и прочное закрепление всех лояльных исполнителей (чиновников и приравненных к ним лиц) на своих постах на срок, достаточный для выполнения жизненного задания режима.

Исходя из поставленной цели, Владимир Путин проводит вполне целостную экономическую политику, смысл которой – последовательное уменьшение обязательств государства перед населением, а правящего класса – перед государством. Путинизм как паразитический, загнивающий ельцинизм добивается того, чтобы упомянутые выгодоприобретатели «большой» приватизации имели полное, узаконенное право не вкладывать никаких средств в реконструкцию национальной инфраструктуры – напротив, чтобы это бремя было возложено в максимально возможной степени на никуда не спешащее население. К тому и сводятся монетизация социальных льгот, реформа ЖКХ и электроэнергетики.

С точки зрения фундаментальной логики путинского режима любые реформы и вообще активные наступательные действия оправданы и уместны лишь тогда, когда они ни на йоту не нарушают «стабильности». Поскольку на самом деле стабильности угрожают практически любые реформы, сегодняшний Кремль их не начинает, а начав – приостанавливает, как только колеблется рейтинг президента или растет ропот в широких слоях населения.

Еще во время первой президентской кампании Путина (весна 2000 года) штабом Преемника был взят на вооружение тайный лозунг «Не расплескать»: ничего не делать, не проводить никаких активных мероприятий, поскольку любое действие ставит под угрозу неожиданно свалившийся на голову преемника запредельный рейтинг, в условиях же полного бездействия, бог даст, как-нибудь дотянем до дня выборов. Это «Не расплескать» стало неформальным, подспудным, почти бессознательным девизом всего путинского правления.

Таким образом, Владимир Путин возглавляет и олицетворяет классический режим консервации – полного сохранения *status quo*. Такого типа режим ни в коем случае нельзя назвать консервативным (кремлевские идеологи в последнее время замечены в обильном паразитировании на этом термине): консерватизм предполагает модернизацию на базе национальной традиции, в то время как консервация – принципиальное отсутствие какой бы то ни было модернизации.

Именно поэтому Кремль функционирует исключительно в режиме don't act – react (не действовать – реагировать (*англ.*)).

Когда неблагоприятные внешние обстоятельства жестко вынуждают Владимира Путина, он с неимоверным скрежетом зубным идет на имитацию радикальных ответных шагов. Именно имитацию – подлинных изменений режим консервации допустить не

может по определению. Вместо реальной вертикальной мобильности – лесная резервация «Наших». Вместо реального «полевения» социально-политической политики – рассуждения о «борьбе с бедностью» (это в условиях-то монетизации льгот!) и симуляция великой анти-зурабовской социалистической революции (еще предстоит).

Поскольку нет развития, не может быть и успехов: усугубление сырьевого характера экономики за пять с половиной лет высоких нефтяных цен об этом ярко свидетельствует. Согласно фундаментальной логике путинского режима, неизбежная безуспешность прикрывается безответственной псевдоимперской риторикой. Рекламируется усиление международного авторитета России, в то время как на самом деле именно при Путине Россия утратила роль модератора постсоветского пространства и превратилась в страну «второй лиги», просто самый большой осколок СССР. Кремль исходит сладкой слюной по поводу «укрепления государства», но государство заканчивается там, где начинается материальное поощрение чиновника любого уровня хозяйствующим субъектом. И так далее и тому подобное.

Когда же Кремль в раздраженном отчаянии понимает вдруг, что ресурс тотального блефа близок к опасной черте исчерпания, главным достижением путинского режима оказывается собственно стабильность. «Наша заслуга в том, что мы еще правим вами», – вот фактический message кремлевской бюрократии, адресованный находящемуся за гранью ее понимания народу. А функция народа в этой концепции – оплачивать благосклонность терпеливых правителей. Деньгами и жизнями.

Мне нередко приходится слышать от западных политиков, экспертов и дипломатов, что, дескать, нынешние российские правители «власть не отдадут». Костями лягут, но не отдадут.

На мой взгляд, отдадут обязательно. Потому что никакая консервация не может длиться слишком долго. Система, лишенная развития, обречена смерти.

Главное, впрочем, в другом. Режим Владимира Путина теряет всякий смысл, когда выполнено его жизненное задание: вывоз из России обналиченных результатов приватизации 1990-х. С этого момента власть превращается для Путина и К° в сплошную цепь веерных отключений электроэнергии, замерзающих обезвоженных регионов, «Норд-Остов» и других тонущих батискафов. Ответственность безо всякой прибыли. А Владимир Владимирович этого не любит.

«Левый кремлеворот», исполняемый в полном соответствии со священным кремлевским принципом *don't act – react*, станет последним блефом Кремля. Поскольку все прочие зоны возможного блефа уже затоптаны. А единственным подлинным результатом «полевения» станет предоставление кредитов за счет стабфонда особо лояльным к Кремлю бизнесменам – «на поддержку экспорта», как водится.

И самыми сложными в российской исторической повестке становятся уже не вопросы «Уйдет ли Путин?» или «Когда уйдет?». Вопрос наступающего дня: кто и почему придет нынешней правящей корпорации на смену.

2005 г.

Мавзолей Владимира Путина

В Кремле вновь озаботились судьбой Владимира Ильича Ленина.

По некоторым данным, нервно утекающим из-за Стены, решение о перезахоронении основателя СССР все-таки принято. Мелкие мотивы такого решения вполне понятны. Путин, как всякий типовой бизнесмен американоцентричного мира, верит только в гарантии Запада. А Запад, по версии индивидуального частного предпринимателя Путина В. В., просто не сможет отречься от бывшего русского президента, похоронившего Ленина и вбившего таким чином осиновый кол престарелому призраку коммунизма прямо в седовласую грудь.

Но все, как всегда, не так просто. Не только ради милой западной жизни хочет В. В. избавиться от В. И. Дело в том, что в глубокой реальности, не имеющей ничего общего с бесконечным во все стороны путинским пиаром, второй демизбранный президент РФ ненавидит Советский Союз и вообще все советское. Горькой всеразъедающей ненавистью.

Нет, конечно, в рекламных целях Путин может изображать из себя невероятного поклонника советского строя. И даже восстанавливать в правах советский государственный гимн. Правда, с новыми девятистолетними словами, которые невозможно запомнить, – ибо вытек из них магический дух, который и делал недетский михалковский текст настоящим имперским гимном. (Интересно было бы кремлевским социологам провести опрос: сколько верноподданных россиян знает путинские слова сталинского гимна? Уверен, что процентов пять, не больше.)

Но про гимн – это про пиар. Сказали Путину, что для дальнейшего отвердения рейтинга нужно поклониться советской тени, – сделал. А сказали бы, что ради стабильности режима надо назначить гимном «Миллион алых роз» или «Голубую луну», – так и назначил бы. А что? Как научил Путина его отец-основатель Р. А. Абрамович, любое событие-деяние – хоть гимн, хоть война, хоть взрывы жилых домов – оправдано ради стабильности больших правящих денег.

Но когда Путин остается с собою один на один, без шпаргалки, без политехнологических заготовок, он истинного отношения к СССР не скрывает. Помните, как ВВП открывал Дворец конгрессов (не съездов, заметьте, а именно конгрессов!) в петербургской прибрежной Стрельне? При советской власти, молвил президент с гримасой необычайной, здесь царили разруха и мрак. А мы, мы – все восстановили, все сделали. 300 миллионов долларов – и никаких тебе советских гвоздей!

У каждого политика, как и у поэта, есть провинция. Руководящая и направляющая, любящая и прощающая. У Путина такая провинция – Дрезден второй половины 1980-х годов. Там родились его дочери (которым с тех пор приуготовлены германские паспорта). Уже тогда Дрезден был какой-никакой, но Европой (но сравнению с неуклюжим презренным Совком). И именно там директор дома советской культуры понял, что сидеть в кафе на бульваре Старой Европы, подсчитывать регулярно капающие на счет доллары, наслаждаться весенним ветром и вообще ни о чем не тревожиться – это и есть жизнь. А грандиозный Совок с его идеологическим серпом и ядерным молотом, орденскими планками и золотыми звездами, большим стилем и пыльными диванами членовозов, казенными дачами и премиями в 300 руб. – фуфло, ерунда. Дрезден научил Путина смыслу его жизни – стать средним европейцем. Благостным спокойным рантье. Орудием всемирного разрушения (по Леонтьеву). И если тогда Владимиру Владимировичу и тысяча долларов в месяц казалась верхом блаженства, то сегодня уже и 100 миллионов долларов в месяц – не предел.

Переменилось количество, но не качество. Тогда усталый невольник КГБ замыслил побег из СССР – в лишенную державного пафоса международную мелкобуржуазную роскошь. И побег этот он счастливо совершил – исключительно благодаря концу Советского

Союза. Не случайно постдрезденский Путин, изгнанный из Системы и сосланный на унизительно низкую должность в ЛГУ, так успешно спикировал в яростно антисоветскую команду проф. Собчака и всего за два года превратился из скромного технического помощника мэра Санкт-Петербурга во второе лицо целой Северной столицы.

Отринув совковые вериги, будущий Хозяин Земли Русской смело вошел в поколение вельможных торговцев джинсами, захвативших в России власть в начале 1990-х годов. Людей, которые точно знали, что главное – оказаться в нужное время в нужном месте, урвать побольше и – вовремя отбежать. А знамена Отечества, образование, война, революция, искусство, любовь – пустые дела, объект ненужных издержек. И не случайно неформальный идеолог нынешнего режима Роман Абрамович избрал Ельцину в преемники именно Путина. Послеельцинским управителем должен был стать человек, который понимает, что джинсы – важнее Империи. Который твердо и прочно забыл, чему его учили в советской школе.

Вывезти с Красной площади Ленина и закрыть Мавзолей – значит избавиться от советского периода нашей истории. Признать, что весь коммунистический режим был досадной оплошностью, совершенной тремя поколениями невменяемых дураков. И хотя советская власть и создала всю ту нефтегазовую промышленность, которой теперь Путин грозит хохлам и всяким прочим шведам, места в истории эта власть не заслуживает. После сентября 1917 года как-то сразу наступает сентябрь 1991-го. Советский Союз обречен забвению, как Березовский с Гусинским.

Путин не может уйти от власти, не отомстив своей советской юности, где он был посредственностью и стал подкаблучником. Своей первой зрелости кагэбэшника-неудачника. Ему хочется, чтобы новейшая история «этой страны» отсчитывалась с 1991 года, когда начался его, Путина, неимоверный и неоправданный взлет. С крушением СССР к разжалованному подполковнику пришла Госпожа Большая Удача (ГБУ). И этой ГБУ он, такой благодарный, принесет в священную жертву Мавзолей.

Можем ли представить себе это?

Прямая трансляция из Санкт-Петербурга. Путин идет за гробом Ленина! Да не он один. Грызловы и слиски, лабрадоры кони и пони вадики, прорицатели и чревовещатели, телохранители и сотрапезники. Вот это будет рейтинг, вот это будет доля! Цена минуты рекламы зашкалит за 150 тысяч долларов. Всюду вспышки, цветы, барабаны, литавры, ожоги преданных глаз.

Не забудьте выключить телевизор.

2005 г.

Бизнес Владимира Путина

Многочисленные друзья, а наипаче недоброжелатели Владимира Путина постоянно тиражируют миф, согласно которому нынешний российский президент обуреваем серьезными и неизбывными геополитическими амбициями, мечтает о восстановлении российско-советской империи и даже якобы достиг некоторых успехов на этом направлении.

Впрочем, если анализировать не риторику Путина, которая всегда носит конъюнктурный характер и может качественно меняться несколько раз в день, а настоящую политику сегодняшнего Кремля, то ни геополитических амбиций, ни каких бы то ни было достижений на пути реализации таковых мы, увы, не видим.

Одним из ранних серьезных решений Путина на президентском посту была ликвидация российских военно-морских баз в Лурдесе (Куба) и Камрани (Вьетнам). Мотив, заявленный президентом: у государства нет возможности платить неподъемную арендную плату – в общей сложности около 500 млн. долларов в год (менее 4 % суммы, выплаченной недавно «Газпромом» частным акционерам «Сибнефти»). Можно считать подобное решение оправданным или неоправданным с экономической точки зрения, но оно, бесспорно, серьезно подорвало позиции России как морской державы. Лидер-империалист, озабоченный геополитической ролью страны, едва ли пошел бы на подобный шаг.

Имеющий политические глаза да видит, что за годы правления Владимира Путина качественно снизилась – а отнюдь не повысилась! – роль России на пространстве бывшего СССР, той самой империи, которой, вроде как, грезит нынешний Верховный Главнокомандующий. При Путине Российская Федерация свой статус источника постсоветской легитимности безнадежно утратила, превратившись просто в самый большой по территории и природным ресурсам кусок позавчерашней великой Империи. Из первой геополитической лиги, где играют региональные державы (уровня Индии или Бразилии), мы перешли во вторую, где борются за место в плацкартном вагоне истории государства образца Парагвая или Алжира. (Количество разливанной нефти и шальных офшорных денег в данном случае никак на статус государства, понятно, не влияет.) Теперь за легитимностью глава бывшей союзной республики едет напрямик в Вашингтон, а не в Москву.

Еще в начале первого срока Владимира Путина фактически прекратилась поддержка непризнанных государств. Путин последовательно потерял рычаги политического влияния на Молдавию, Грузию, Белоруссию, Украину. (Разумеется, заведомый PR-блеф с российско-белорусским союзным государством, вынимаемый из нафталина всякий раз, когда в России намечается очередной виток непопулярных реформ, способен ввести в заблуждение разве что очень неискушенного наблюдателя.) Ни одна из перечисленных стран теперь ни ориентируется на Россию стратегически. Осталась, конечно, угрожающе изогнутая газовая труба, но назвать ее создателем Путина довольно сложно, а образ агрессивного кремлевского дегенерата, традиционно прилагаемый путинской администрацией к дарам трубы, в наименьшей степени способствует росту уважения к России в ближних и дальних углах ее бывшей Империи.

Кремль не проявил ни малейшего интереса к политическим баталиям 2002–2004 годов в Литве. Хотя если б в этой стране у власти оказались лояльные России силы, было бы куда легче решать трудную проблему калининградского транзита. Но призывы о помощи, доносившиеся с той стороны литовской границы, были официальной Москвой проигнорированы.

Полностью отсутствуют и достижения Кремля в деле защиты соотечественников за рубежом. Гонения и унижения, которым подверг русских не в меру эмоциональный Туркменбаши, остались как бы незамеченными. Дискриминация русского меньшинства, состав-

ляющего почти 40 % населения Латвии, порой вызывала в Кремле хриплое потягивание, но ни до каких реальных санкций и вообще мер давления на Ригу дело не дошло. А в недавнем задушевном общении со своим тщательно отобранным народом Владимир Путин и вовсе призвал не демонизировать «латышских друзей».

Наконец, российский солдат столь же неуклонно, сколь и бесславно покидает территорию вчерашнего военно-политического присутствия. Россия выводит свои базы из Грузии за 3 года и бесплатно, хотя еще недавно речь шла об 11 годах и компенсации с грузинской стороны в 500 млн. долларов.

В общем, на самом деле никакой эффективной геополитики не получается. И вообще никогда не удастся тем, кто хочет знать и понимать Путина, разобраться в его мотивации, если не усвоить один довольно простой принцип: второй президент РФ по своей природе вообще не политик и тем более не империалист. Он – обычный и типичный предприниматель. И все его решения и действия подчинены исключительно логике крупного бизнеса, сводящейся, так или иначе, к извлечению прибыли.

Финансовый гений

Если в чем и преуспел Владимир Путин на постсоветском пространстве и окрест, так в лоббировании интересов нескольких основополагающих российских бизнесменов. В ходе многочисленных визитов в ближнее и полудальнее зарубежье президент РФ неоднократно начинал переговоры с того, что надо бы вот этот алюминиевый завод отдать Олегу Дерипаске, вон ту телекоммуникационную компанию – Михаилу Фридману, а двенадцатый металлургический завод – Алексею Мордашову. Собеседники Путина радостно хлопали премудрыми глазами: ведь взамен московский богатый гость предлагал политические и экономические даяния, многократно превосходившие по масштабу вожаемые объекты. Например: продаем «Северстали» комбинат Х, а получаем за это отмену Россией антидемпинговых санкций для всех металлургов данной отдельно взятой страны. В такого рода схемах – когда государственные ресурсы России предлагались в качестве компенсации за соблюдение чисто конкретных частных интересов – Владимир Путин нередко бывал успешен. Правда, назвать это продвижением российского капитала можно лишь с большой натяжкой: зарубежные активы, о которых хлопотал Путин, покупались в итоге офшорными компаниями, а отнюдь не живыми субъектами российской экономики.

Но тем не менее следует признать: как предприниматель Путин действительно талантлив. Придуманную же им (или с его благословения, что в данном случае одно и то же) схему национализации в России следует и вовсе признать гениальной.

Схема проста, как все великое. Предприятия, которые в 1990-е годы были проданы на залоговых и прочих фиктивных аукционах по символической цене, должны быть выкуплены государством и госкомпаниями обратно, но уже максимально дорого. Причем для повышения стоимости национализируемых таким образом активов используются даже деликатные механизмы фондового рынка.

Путин отлично понимает, что делает. Всего через 2,5 года в России появится новая власть. И эта власть неизбежно поставит вопрос о легитимации (а значит, ревизии) результатов приватизации – иначе просто не бывает при переходе от постсоветского состояния государственного вещества к постпостсоветскому, по окончании многолетней клептократии. Когда же вопрос будет поставлен, из автоответчика бывшего президента прозвучит глухой отдаленный ответ: забудьте, коллеги, никакой приватизации не было, все снова государственное, ревизовать и легитимировать нечего.

Первой громкой сделкой в рамках предложенной схемы была, конечно, продажа «Сибнефти» «Газпрому». При этом, как мы помним, покупатель и продавец вместе играли на

повышение цены: пакет акций «Сибнефти», принадлежавший Роману Абрамовичу, буквально накануне сделки подорожал с 12 млрд. до 13,1 млрд. долларов. При этом в 1995 году контрольный пакет «Сибнефти» был продан на залоговом аукционе, разумеется, за целых 100,3 млн. долларов.

В плане на 2006 год – покупка 62 % акций «Сургутнефтегаза» «Роснефтью» за сумму, близкую к 20 млрд. долларов (3 ноября 1995 года 40,12 % акций той же компании были проданы государством за 88,9 млн. долларов), и контрольного пакета «Норильского никеля» – госкомпанией «АЛРОСА» за сумму, близкую к 8 млрд. долларов (цена былой приватизации того же пакета – 170,1 млн. долларов).

На фоне этих гигантских сделок почти теряются сообщения о приобретении аффилированными структурами «Газпрома» Объединенных машиностроительных заводов или планах «Рособоронэкспорта» выкупить у частных собственников некие металлургические активы. Но и большие и малые операции укладываются в общий гениальный план (сокращенно – Генплан). При этом предположить, что кремлевское начальство получает со сделок гонорары, именуемые в просторечии «откатами», мы не вправе: зачем это все людям, которым вскоре за принадлежащие им пока 30 % акций «Сургутнефтегаза» перечислят 10 млрд. долларов? Хватит на отборный овес и пони Вадику, и семи поколениям его потомков.

Итак, национализация по-путински – это форма почти легального вывода из страны 50–70 миллиардов долларов. Эти деньги попадают на счета частных лиц – выгодоприобретателей большой ельцино-путинский приватизации (чей жизненный цикл в российском политико-экономическом пространстве, таким образом, заканчивается). Для России же эти миллиарды становятся долгами госструктур, погашать которые будут налогоплательщики вкупе с индивидуальными потребителями газа. Уже в 2007 году придется платить за «голубое топливо» на 50 % больше, чем сейчас. Циничные кремлевские пропагандисты имеют шанс объяснить стране и миру, что вся эта национализация делается в интересах государства и народа. Наивные слушатели-зрители имеют право им поверить.

Бизнес-гений Владимира Путина со товарищи особенно ярко сияет на фоне слабости и бездарности других славянских вождей, в первую голову – все того же Виктора Ющенко. Президент Украины вернул в госсобственность крупнейшее металлургическое предприятие страны «Криворожсталь» за 800 млн. долларов и тут же продал его на транспарентном конкурсе индийскому инвестору за 4,8 млрд. долларов, одним ударом заработав для своего государства 4 млрд. долларов (почти 20 % украинского бюджета 2005 года).

Ну, не глупый поступок, а? Вот если бы Ющенко учился у Путина, он сделал бы совсем наоборот: заставил бы государство купить у приватизаторов первой волны Рината Ахметова и Виктора Пинчука, овладевших этой самой «Криворожсталью» в июне 2004 года за 800 млн. долларов, предприятие за те же самые 4,8 млрд. долларов. И эта солидная сумма была бы грамотно распределена между тремя частными лицами во имя гражданского мира, согласия и стабильности.

Не случайно Кремль строго запретил своим официальным и неофициальным представителям комментировать конкурс по «Криворожстали».

Всемогущий воин

Теперь вы понимаете, почему Кремль не вступился за русских в Туркмении? Потому что газовый бизнес с Туркменбаши – неизмеримо, несопоставимо важнее.

Почему не защитили соотечественников в Латвии? Потому что на счетах в латвийских банках хранятся почти 4 млрд. долларов, принадлежащих представителям политико-экономической элиты современной России. И разглашение информации об этих счетах для ходячих символов путинской стабильности смерти подобно. Да, кстати, сейчас активно идут

переговоры о том, что одна уважаемая российская компания через немецкий инвестиционный банк купит латвийское нефтетранзитное предприятие Vents– plis Nafta. Позволительно ли в такой ситуации что-то еще требовать от милых латвийских друзей?

А почему Россия, объективно располагающая всеми рычагами политического и экономического воздействия на Грузию, спешно капитулирует перед нелюбимым Михаилом Саакашвили, аврально выводя военные базы? Потому что Кремль в глубине своей бизнес-души действительно не понимает, зачем эти базы вообще нужны.

Уважаемые господа всемирные кремленологи и путинологи! Отложите, пожалуйста, в сторону книги о Муссолини и Фиделе Кастро. Закажите лучше в университетской библиотеке биографию филиппинского экс-президента Фердинанда Маркоса. Или, скажем, бывшего заирского властителя по имени Мобуту Сесе Секо Нгбенду Ва За Банга, что означает «Всемогущий Воин, который в силу своей выносливости и непоколебимой воли к победе совершит многие завоевания, оставляя за собой пожарища».

И все сразу встанет на свои места.

2005 г.

Очень маленькое зло

Кремль вкупе с независимой Общественной палатой уже проанализировали недавнюю трагедию в Челябинском танковом училище и поняли, почему министр обороны РФ Сергей Иванов ни в чем не виноват, а призывы к его отставке – несерьезны и конъюнктурны.

Во-первых, никакой трагедии вообще не произошло. Андрей Сычев лишился обеих ног и половых органов в результате рядового, как он сам, случая дедовщины, усугубленного добровольным нежеланием Сычева служить в армии. Министр же национальной обороны занимается великими делами – оттого и оказался в нужное время в нужном месте, то есть «высоко в горах», – и не обязан реагировать на каждый навозный чих.

Во-вторых, Сергей Иванов – лучший, талантливейший министр обороны всех русских времен, и даже миллион солдатских конечностей не стоят одного волоса с министерской стратегической головы.

В-третьих, скандал вокруг челябинской микродрамы организован и раздут коварными аппаратными врагами министра Иванова, которые давно искали повод побольнее укусить «лучшего и талантливейшего».

С последним утверждением можно почти согласиться. Действительно, Главная военная прокуратура существенно активизировалась в деле разоблачения истинных масштабов и форм дедовщины сразу после того, как Сергей Иванов стал вице-премьером и попытался глубоко залезть в финансовые потоки оборонно-промышленного комплекса. А значительную часть этих потоков контролирует помощник президента РФ Игорь Сечин, который: а) в силу своего природного консерватизма не хочет этим контролем ни с кем делиться; б) имеет необъяснимое магическое влияние на Генпрокуратуру вообще и Главную военную прокуратуру в частности.

Но попробуем все же забыть про сечино-прокурорский заговор и упростим вопрос: должен ли министр Иванов, несмотря ни на какие подводные течения, подать в отставку? Да, должен. Причем незамедлительно.

Второстепенная причина отставки такова: если в некоем ведомстве случилось нечто, чему ужаснулся – без преувеличения – весь мир, то начальник ведомства обязан уйти. Независимо от степени его личного и непосредственного участия в непотребных деяниях.

Главная же причина, за право обсудить которую мы должны сказать спасибо Челябинскому танковому училищу и лично несчастному рядовому Сычеву: Сергей Иванов катастрофически не справляется с обязанностями министра обороны РФ.

Модернизация армии и тем паче военная реформа, слухами о которых Минобороны наполняет информационное пространство много лет напролет, – не более чем наглый блеф.

На сегодняшний день из 20 000 танков, стоящих на вооружении Российской армии, 9000 вообще полностью вышли из строя, а еще 4500 – нуждаются в ремонте и в боевых действиях участвовать не могут. Из 1800 самолетов не могут подняться в воздух без капремонта – 1200. Более половины этих машин уже нет смысла и ремонтировать, так как они простояли без дела 10 лет и почти полностью разукомплектованы.

Широко разрекламированное «радикальное увеличение военного бюджета» тоже очень напоминает гигантский блеф с ярко выраженными элементами казнокрадства. Денежное довольствие военнослужащих как было, так и остается нищенским. Среднестатистический полковник получает сегодня менее 11 000 руб. (примерно 380 долларов) в месяц – вдвое меньше, чем, например, охранник, украшающий собой парадный подъезд «Газпрома».

С перевооружением армии тоже как-то не складывается. С 2001 года Вооруженные силы РФ получили 15 новых танков, 40 бронетранспортеров, 2 (два) истребителя Су-27

(все они, заметим, выпущены в советское время, а в постсоветской России лишь несколько модернизированы), целых 3 стратегических бомбардировщика Ту-160 и 4 вертолета.

Для сравнения: Индия, военный бюджет которой сопоставим с российским, закупила за это же время 124 танка, 8 вертолетов Ка-31, 22 истребителя МиГ-29 и даже тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Горшков».

Что же касается престижа воинской службы и морального климата в войсках, то здесь, пожалуй, и без цифр все ясно. Но и некоторые цифры не помешают. За время работы «лучшего, талантливейшего» из армии уволилось свыше 250 000 офицеров, из них около 170 000 – досрочно. Как правило, офицер остается в войсках до получения долгожданной квартиры, а там – лучше уж быть рядовым охранником, который, как мы уже выяснили, живет куда лучше. За 3 последних года осуждены за уголовные преступления свыше 350 офицеров – годовой выпуск общевоинского училища. Даже по официальным (а значит, почти всегда заниженным) данным, в 2004 году покончили с собой 246 военнослужащих. По данным исследования социологического центра «РОМИР-мониторинг» (2005 год), свыше 70 % российских студентов готовы «отдать все», чтобы не служить в армии.

Ссылки на наследие проклятого ельцинского прошлого уже неуместны. Путин находится у власти 6 лет, Иванов во главе Минобороны – 5. И как раз на эти годы пришелся нефтяной бум, который принес стабфондам и прочим резервуарам национальной экономики сотни миллиардов долларов. И властная вертикаль укрепилась настолько, что, казалось бы, любые модернизационно-реформаторские решения стало проводить очень просто.

Только в одном Сергей Иванов, пожалуй, преуспел: он убрал-таки из армии харизматичных амбициозных генералов Казанцева, Шаманова и Трошева, которые ничтоже сумняшеся полагали, что именно они в 1999 году привели Владимира Путина к власти.

Даже если отринуть классические соображения политики и морали, министр Иванов должен положить на президентский стол роковой рапорт потому, что он злобно и систематически не исполняет Положение № 1082 о министерстве обороны РФ, утвержденное указом Путина от 16.08.2004 г. В частности, «талантливейший» де-факто не обеспечивает мобилизационную готовность вооруженных сил, не занимается вопросами социальной защиты военнослужащих, не организует правовое и морально– психологическое обеспечение Вооруженных сил – а всех этих безмерных усилий великодержавное Положение от него прямо требует.

Другой вопрос

Разумеется, всякий человек, хоть немного знакомый с реалиями российской политики, знает: Сергей Иванов не уйдет в отставку. Во всяком случае, пока труба Верховного главнокомандующего не протрубит ему триумфальный окончательный отбой.

Потому что в административной системе путинской России результаты работы, управленческая эффективность и т. п. вообще не являются критерием оценки деятельности чиновника. Руководитель современного образца приходит на высокий пост не для того, чтобы служить Родине (народу, государству) или решать какие-то конкретные отраслевые задачи (стратегические или тактические). Он приходит во имя кормления – создания многоуровневой системы распределения теневых доходов, возникающих в процессе работы министерства (ведомства, госкорпорации). И единственное требование к начальнику путинско-ивановского типа: четкое и максимально конфиденциальное обеспечение раздела (на профессиональном сленге – «распила») специфических благ между самим чиновником и сопредельными участниками «вертикали власти».

В этом смысле все путинские топ-чиновники заняты одним и тем же, только в разных кабинетах. И потому – абсолютно взаимозаменяемы. Например, никто не был бы поражен, увидев Алексея Кудрина в кресле главы ФСБ, Игоря Сечина – на посту министра здравоохра-

нения (и социального развития), а того же многострадального Сергея Иванова – в неестественной позиции предправления РАО «ЕЭС России». «Распил» – он везде «распил».

Для оправдания же любых результатов работы такого начальника существует фундаментальная доктрина «меньшего зла». Эта доктрина окончательно сформировалась в России в 2005 году и уже нашла изрядную поддержку среди интеллектуалов, еще недавно сокрушавшихся по поводу стратегической несостоятельности правящего режима.

Доктрина проста, как все великое. Если команда Путина уйдет от власти, на смену ей придут хищные тоталитарные ксенофобы, враждебные всему живому. Они немедленно устроят на Русской земле ГУЛАГ и Освенцим одновременно. Больше того: эти изверги могут заняться какими-нибудь большими модернизационными программами, а такие вещи на российской почве никогда ничем хорошим не заканчивались. Ибо мобилизовать на что-то русского человека можно только с помощью плетки и вертухая.

Согласно доктрине меньшего зла, путинская власть в принципе не отвечает за плоды своих трудов и не обязана ни перед кем отчитываться. Поскольку она выполняет единственную и главную историческую миссию – занимает теплое правящее место, на которое в противном случае покусилось бы безобразное Большое Зло. Олицетворяемое полковником Квачковым и безумцем Копцевым, устроившим резню в Московской синагоге.

И Сергей Иванов – лучший министр, по определению, что бы там в армии ни творилось. Ибо уйдет Иванов – и тогда неизбежно придет на его место неукротимый палач и вешатель, генерал-капитан Сидоров, который 100 млн. человек забреет в солдаты, снесет ювелирные бутики в Барвихе и на их месте построит вонючие безжалостные казармы.

Потому сегодняшняя власть имеет право на любые ошибки, на какие угодно моральные и юридические преступления. А мы все равно должны говорить «спасибо» за то, что нами правит это ну Очень Маленькое Зло (ОМЗ).

Ротация зла

Эта доктрина, не лишенная некоторой софистической изысканности, не учитывает главного. Именно режим «меньшего зла» и создает все предпосылки для прихода к власти зла большего. Большое зло в истории – закономерный преемник маленького.

Потому что, когда власть – и шире, правящая элита – ни за что не отвечает ни перед людьми, ни перед Богом, а моральные конструкции общества сгнивают дотла, вероятность пришествия свирепого народного смирителя возрастает на порядки. Очень Маленькое Зло, быть может, наделено неким шармом бурного роскошного разложения, но оно совершенно точно никогда не бывает центром мобилизации и сплочения нации.

Можно согласиться с тем, что распутинщина в каком-то смысле гораздо лучше большевистского террора. Но большевики приходят именно на плацдарм, тщательно подготовленный именно распутинщиной. И невозможно представить себе, чтобы кто-то сплотился вокруг Распутина в борьбе с какими бы то ни было угрозами, внутренними и внешними, настоящими и будущими. Колдовские чары Большого Зла как раз и проявляются на фоне тотального цинизма и безнадежности, исходящих от Зла Очень Маленького. И скрытый пока от публичного взора генерал-капитан Сидоров должен быть премного доволен потугами гражданского министра Иванова, всеми его рекламными успехами и высокогорными нравственными откровениями.

Свежайший пример – победа ХАМАС в Палестинской автономии. Да, доселе палестинцами управляло классическое меньшее зло. Оно не занималось строительством государства и разворовывало иностранную помощь. А на все скромные вопросы отвечало: ну, если же не мы, тогда ведь экстремисты придут! И напوماженный цивилизованный мир стыдливо опускал очи долу: действительно, черт побери, лучше ворюги, чем кровопийцы!

И экстремисты, конечно, пришли. На выборах. А если б не было выборов – все равно бы взяли власть. Силой оружия. Через год-другой, не позже. Потому что, если от власти кисло-сладко пахнет позапрошлогодним арбузом, спасения нет.

У России тоже есть два варианта. Первый: приход новой, ответственной элиты с реальной модернизационной программой. Второй: вялотекущая путиноивановщина с Большим Злом в неизбежном скором финале.

Что выберем?

2006 г.

«Вскрытие показало...»¹

Тетушка Чарли и «еврейский вопрос»

... В ходе просмотра очередного выпуска «Реальной политики» Глеба Павловского на НТВ выяснилось, что речевой арсенал корифея российской политтехнологии пополнился новым ругательством – «фрадков».

Сначала Павловский с каким-то мефистофелевским сарказмом сообщил о том, что в только что образованном при президенте РФ Совете по национальным проектам (который уже называют «параллельным правительством») – для премьер-министра места не нашлось. А потом и вовсе накричал на Фрадкова за то, что тот опрометчиво обмолвился, будто правительство «дает (чему-то там) экспертную оценку».

«Разве глава правительства не знает, что для экспертизы у нас существует Общественная палата Российской Федерации?!» – метал громы и молнии ведущий «Реальной политики». Мне даже стало немного жаль незадачливого премьера – откуда ему знать, зачем нужна эта самая Общественная палата, если об этом не имеют ясного представления даже ее члены?

Тем не менее начальственный окрик новоиспеченного ведущего НТВ в адрес премьер-министра сам по себе говорит о многом. Это ведь для нас с вами Общественная палата – бредовая затея, оскандалившаяся еще до своего рождения. Достаточно вспомнить приглашенную, но не утвержденную 19-летнюю «нашистку», богатый ассортимент «комиков» и «трагиков» в предварительном списке, «самозванца» Ярослава Грекова (более известного в интернет-сообществе как «Моська Рунета»), и даже самое насупленное лицо неизбежно расплывется в улыбке.

Между тем Кремль, судя по его бурной активности на завершающей стадии бурного 2005 года, ничего смешного в этой затее не видит. Появилась информация о внесении в Госдуму президентских поправок в закон «Об Общественной палате РФ», наделяющих этот странный орган чрезвычайными полномочиями в отношении редакционной политики СМИ. Наиболее политизированные – но малоизвестные широкой публике – члены палаты (Глазычев, Чадаев, Слободская и др.) замелькали на страницах газет и телевидении. Для солидности туда же откомандировали хорошо узнаваемую «тетушку Чарли» (актер Калягин). Та, недолго думая, похвасталась новым зданием театра, как первой «реальной отдачей» от участия в «этом проекте». С тех пор под объективы телекамер ее стараются не выпускать...

Затем Общественная палата предприняла несколько неудачных попыток собраться в полном составе. Все портил раввин Берл Лазар, отказавшийся заседать в субботу (удобную для всех остальных). По последним данным, «еврейский вопрос» членам палаты все-таки удалось как-то решить – раввин на заседании поприблизился...

Однако, несмотря на режущую глаз комичность всего происходящего вокруг Общественной палаты РФ, уже сегодня можно подвести первые нешуточные итоги.

Во-первых, именно Общественная палата (наряду с Советом по национальным проектам при президенте) претендует на то, чтобы играть ключевую роль в создании новой, не прописанной в Конституции РФ, системы власти. В ближайшее время именно в эти странные структуры, судя по всему, будут перетекать реальные полномочия. В итоге правительство и Федеральное собрание РФ станут совсем уж неприлично картонными декорациями.

¹ Текст Владимира Голышева.

Во-вторых, Общественная палата и прочие «креативные разработки» Кремля полностью замкнуты лично на президенте и на его администрации, а значит, лишены даже той призрачной самостоятельности, которой все еще обладают конституционные институты.

В-третьих, судя по тому, что мы за это время уже успели увидеть и прочесть, агитационно-пропагандистское сопровождение процесса создания и функционирования «кремлевских новоделов» будут беспрецедентно плотными и навязчивыми. Более того, под рекламу этой «невидали» будет подложен солидный теоретический базис, основные контуры которого видны уже сейчас.

Если вам приходилось сталкиваться с текстами, воспевающими преимущества доселе невиданного общественного устройства, при котором на вершине пирамиды вольготно расположилась фигура «интеллектуала», «эксперта», «создателя смыслов» и пр., значит, вы имеете приблизительное представление – о чем именно идет речь...

Политические черепашки

Как известно, политика вообще и государственное управление в частности традиционно находятся в руках двух частично смешанных и свободно перетекающих друг в друга корпораций: чиновничества и публичных политиков. Несмотря на имеющуюся склонность к созданию своего рода квазисословий, корпорации эти не отделены от общества непроницаемыми стенками – попытать счастья в выборной кампании (а равно и усесться в чиновничье кресло) может и амбициозный бизнесмен, и видный общественник, и заслуженный военный.

Разумеется, наше чиновничество и наши публичные политики далеки от «лучших образцов». А «путинская пятилетка», увенчанная обвальным падением позиций России в коррупционном рейтинге (до уровня благословенной Нигерии и славного африканского государства Сьерра-Леоне), превратила их в нечто совершенно чудовищное.

С другой стороны, наблюдается снижение уровня общественного доверия правительству и парламенту до величины, предельно близкой к нулю. Излишне говорить, что на фоне этого «почти ноля» уровень доверия президенту смотрится почти молодцом (если, конечно, из рейтинга изначально исключить двух заведомых фаворитов – Церковь и армию).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.